

Тема, о которой пойдёт речь в статье, для многих, живущих на берегах реки Урал, болезненная. Это, по-моему, точное определение я услышал от главного редактора оренбургского альманаха «Гостиный Двор» Натальи Кожевниковой, когда принёс ей статью, в которой, как смог и как понимал, написал о горестном состоянии реки. Материал, спасибо редакции, прошёл в 35-м номере журнала. Потом мои статьи появились в газете «Оренбуржье», в региональной вкладке «АиФ», в газете «Южный Урал»...

Через некоторое время совершенно случайно мне удалось познакомиться с проектом профильного Екатеринбургского института СКИОВО (система комплексного использования и охраны водных объектов), в котором оценивается состояние бассейна реки Урал и планируемые меры по выходу из водного кризиса. Я, тысячекратно извиняясь

перед высокими званиями проектантов, позволил себе усомниться в некоторых пунктах проекта. И, как оказалось, вместе со мной не просто сомневаются, а выступают против, причём, грамотно аргументируя, дипломированные специалисты.

Сегодня, при вновь открывшихся обстоятельствах, хотелось бы обсудить оговорённый проект, обсудить заранее, чтобы не сетовать потом. Подумать о надвигающемся, и не только на наш регион, маловодье. Доводы, приводимые мной, конечно, не научны, это просто размышления, основанные на моём понимании реки, судьбой которой на любительском уровне занимаюсь многие годы...

В тот день по дороге на дачу пришлось остановиться на полпути. Подвёл, в общем-то, неприхотливый и надёжный, хотя и совсем не «молодой» мой автомобиль. Устранив, обжигаясь и потихоньку ворча, тёчь тосола, с пустой полторашкой в руках пошёл к ближнему коттеджу, выросшего недавно посёлка, чтобы добыть воды.

На звонок вышел хозяин, пожилой мужчина, и, увидев у меня в руках бутылку, развёл руками: «Нет у нас воды питьевой, только, так сказать, техническая. Вот скоро приедут с работы молодые и привезут. Не жалко, только что последнюю истратили». Поняв, что сойдёт и «техническая», наполнил мою ёмкость, а я не удержался и спросил, а почему у вас

нет скважины? Ведь в этом районе хорошая вода. Знаю потому, что много лет отработал на расположенном рядом аэродроме, и у нас был качок недалеко от самолётной стоянки с холодной и чистой водой. «Да, была вода хорошая, но только первые годы. Есть у нас скважина, как и у всех в округе. Специалисты говорят, что с активным разбором подтянуло откуда-то воду подсолённую и с известью. У всех сейчас такая. Огород поливаем, земля высыхает и белеет. Хуже того — падает уровень воды, и многим приходится забивать глубже трубы колодцев. И это на берегу Урала!

Надо сказать, проблема с водой во всё большем числе наших поселений. Да что там о деревнях, когда Уральский водозабор Оренбурга, по заявлению главы «Водоканала», летом 2012 года работал на пределе возможного, упавший уровень реки тому причина, и благо, что 2013 год к концу лета оказался дождливым и отодвинул проблему на какое-то время. Маловодье...

На глазах одного поколения Урал превратился в мелкую, маловодную реку, хотя, честно говоря, в число великих рек он никогда не входил и зачастую показывал такие резкие колебания водности, что диву даёшься.

Например, ничем не запомнившийся нам по состоянию реки 1992 год был по водности, трудно поверить, в двадцать раз большим, чем в далёком 1933-м... *(По материалам СКИОВО. Здесь*

и далее ссылки на данные из проекта профильного Екатеринбургского института — В.С.). А как же тогда ностальгические воспоминания о пароходах, некогда бороздивших уральские воды? Не выдумки же это? И так, и не так. Вернее, не совсем правда.

Есть документальные данные о пароходном судоходстве на нашей реке. Ещё в 1880 году, сделав ровно четыре трудных рейса между Оренбургом и Уральском, «лопнула» пароходная компания... В словаре Брокгауза и Эфрона приводятся данные о глубинах реки, делающими невозможным пароходное движение). А в 1923 году на реку были доставлены три парохода и организовано сообщение по маршруту Гурьев-Уральск-Оренбург. Сделав по высокой весенней воде несколько рейсов, маршрут «укоротился» до Уральска, и больше попыток регулярного пароходного движения на реке не было. Причина одна — маловодье.

Были потом в разные годы «заплывы» в Оренбург из Уральска. В 1935 году, по сведениям наших архивистов, состоялся рейс парохода с грозным названием «15 лет ВЧК-ОГПУ», связанный с традиционными в те годы агитационными целями. Но надо обратить внимание на дату начала его выполнения — 22 апреля, пик половодья на Урале, когда мели на Урале «тонут» на шесть-семь метров, а в иные годы, к примеру, в 1942-м, 46-м, 57-м годах и на все

двенадцать-тринадцать метров. Пожалуй, хватило бы глубин и для морских судов, с условием их недолгого пребывания и скорейшего отбытия назад, вслед за убывающей рекой...

Ходили позже, с большими трудами, со скрежетом днищ на перекатах и до конца пятидесятых небольшие суда, но это, конечно, не пароходы. Кстати, даже для них, на самом «нехорошем» перекате ниже железнодорожного моста, плетнём из талы перегораживали три четверти русла, чтобы хоть немного поднять уровень фарватера. И знаменитый, постоянно упоминаемый в прессе теплоход «Валентина Гризодубова» при своих кажущихся солидных размерах, был сверхлёгким судном с осадкой в полметра. Имея водомётный движитель (не путать с двигателем), мог, попав на мель, промывать себе проход. Вот практически и вся наша оренбургская пароходная история. Так что, стоит ли её раз за разом вытаскивать в укор нынешним временам? И без этого видно удручающее состояние нашей реки, с каждым годом всё более ухудшающееся.

Так что же изменилось и продолжает, ускоряясь, меняться, уже реально угрожая самой возможности жизни во многих поселениях? Наука утверждает, что весь годовой сток реки Урал и его притоков формирует практически полностью весеннее снеготаяние, и только до трёх процентов, и то не всегда,

добавляют летние дожди. К сожалению, большая часть стока уходит с бурным и непродолжительным паводком, и лишь малая успевает попасть в грунтовые воды, призванные весь год питать реки. И отсюда следует, что стало меньше выпадать снегов на наших просторах? Но вопрос это или утверждение?

Даже не зная метеостатистики, обратимся к отчёту в нашем областном «Экологическом вестнике» экспедиции московского охотоведческого института, кажется, за 2003 год, работающей на востоке области, в частности на озёрах. Эти водоёмы не имеют связи с реками, и учёные, обладая соответствующими возможностями, смогли проследить изменения их уровней аж с 1700 года. Оказалось, что не стало меньше выпадать у нас снега, о чём и поведали эти уровни, также зависящие от него. И статистика говорит о неизменности средних показателей величин осадков.

Так что же, тупик? Где вода? В грунтах её мало, в реках убывает, а её главный источник — снег, выпадает в среднем в тех же величинах, что и много лет назад, когда и реки были полнее, и родники питали ручьи и малые реки, а в колодцах в достатке была вода.

Сейчас мало кто сомневается в том, что, в числе прочего, самую весомую лепту в наступающее маловодье внесло Ириклинское водохранилище, построенное в конце пятидесятых, и полностью

заполненное в 1966 году. Площадь его в наших засушливых степях, летом продуваемых горячими суховеями, значительна, и отсюда много водицы, испаряясь, улетает в основном в другие пределы.

Официальная наука утверждает, что потери на испарение невелики — всего три процента, но цифра-то, извините, от лукавого. Ведь если весь годовой сток — три процента, но уберём из этого объёма восемьдесят процентов пролетающего мимо нас за три недели паводка, и на оставшийся наложим эти проценты, вот и получим четверть потерянной воды. А это для сложившегося веками равновесия в нашей природе слишком много. Уровень водохранилища, по многим причинам, должен находиться в определённых пределах, а потому может быть выдержан только за счёт уменьшения воды, уходящей за плотину.

Постоянная, многолетняя потеря постепенно уменьшает среднегодовые уровни в Урале, а с ним в его притоках. А что такое уровень рек? Это ведь ещё и уровень грунтовых вод, особенно его первого слоя, верховодки. Преодолевая давление грунтов, «продираясь» в плывунах по капиллярам в песке и гравии, постепенно движется вода по понижениям водоразделов к реке или озеру. Если водоёмы полноводны и таков же уровень грунтовых вод вблизи, то это ещё одна величина сопротивления для быстрого

выхода воды в русло. Жидкость не сжимаема, процессы в плывунах инертны, и вот тогда, даже вдали от рек, начинает подниматься вода в пластах, и только тогда и появляются в низинах и оврагах родники, дающие жизнь ручьям и малым речкам, в том числе и воду в колодцах.

Показательны 1993-94 годы, когда после двух подряд сравнительно высоких и продолжительных паводков возродились родники и ручьи в оврагах и старицах, давно не видевших воды. Совсем не виноваты люди, якобы затоптавшие и засорившие родники. Знаю не про одну попытку возродить их с помощью лопат и даже экскаваторов. На дне глубоких ям лишь влажный песок. Вода слишком глубоко опустилась...

А ведь грунтовые воды — не только родники; при изменениях атмосферного давления выходящий из глубин холодный воздух конденсирует свою влагу в прогретом слое почвы, в слое корнеобитания, сглаживая почвенную засуху. Чем выше грунтовая вода, тем больше получают влаги растения, в том числе посевы.

Как же быть? Наши областные власти серьёзно озабочены проблемой. В апреле 2013 года состоялось совещание, собранное губернатором Ю.А. Бергом, где в основном прошло обсуждение упоминаемого уже выше проекта из Екатеринбурга, в котором оценивается положение, сложившееся во всём бассейне Урала,

и предлагаются меры, необходимые, по мнению его специалистов, для выхода из водного кризиса. Проект не получил одобрения некоторых оренбургских учёных, несмотря на то что в нём заложено много нужного и полезного. Но есть и такое, что, по мнению специалистов, просто не приемлемо.

К примеру, очистка русла Урала. Непонятно, зачем? Разве на глубине много воды, только и ждущей «свободы», чтобы наполнить реку? Увы, это только расхожее мнение, гуляющее в народе вместе с мифом о неких американцах, якобы предлагавших вычистить Урал, но всё, что они при этом найдут, станет их добычей. Что же там есть такое, кроме коряг и мусора? Поездив в своё время по стране, я слышал похожее и о других речках, даже о Волге, только «хитрые и алчные» страны были разные. И, конечно, наши рачительные вожди сказали им гордое — нет!

Вернёмся к воде — специалисты знают, что там, в глубине, её, «желающей» выйти в русло, кроме той, которая и питает реку, увы, просто нет. Есть немалые запасы на различных и порой значительных глубинах, но это в основном солёные воды, реликты бывшего здесь древнего Каспия. А может, углубление русла нужно затем, чтобы убрать мели? Так ведь не мели поднялись вдруг из глубины, а воды стало мало, и бывшее дно стало мелями. «Опустив» его, обязательно

опустим и воду, а с ней ещё больше верховодку, ещё более усугубив ситуацию.

И что такое для реки мели и перекаты? Это преграды, не дающие разогнаться течению, ступенями повышающие, особенно в межень, уровень на плёсах. Если представить в графике «профиль» реки и провести по этим ступеням результирующую прямую, получим, пусть на десяток сантиметров, средний уровень выше, чем если бы не было этих ступенек. Умножим эти сантиметры на площадь бассейна, участвующего в процессе накопления грунтовых вод, и мы получим громадную цифру, на которую при очистке потеряем бесценный в наших местах Божий дар — воду. Да, грунтовую, да, не видимую, и оттого, казалось бы, нам безразличную, но именно она питает наши реки и оставшиеся родники, даёт воду в колодцах.

На упомянутом совещании было заявлено, что проект не принят и находится в стадии согласования. Но уже летом того же 2013 года появляется в печати сообщение о прошедшем межгосударственном собрании в Астане по данной теме, где прозвучало заявление наших делегатов о планируемом... углублении и расчистке Урала на протяжении от села Благословенка и до устья Сакмары, то есть о принятии самого спорного для Оренбурга пункта проекта. Обоснование — защита населения от подтоплений в паводки.

То есть речь не идёт об угрожающем, усиливающемся маловодье, а о высоких паводках, о которых оренбуржцы уже как-то и подзабыли. Конечно, эта угроза реальна, обязательно будут годы, когда сойдутся известные факторы и река покажет свой нор. Автору этого обращения довелось видеть сильнейший паводок в далёком 1957-м, когда ревуший поток возле железнодорожного моста в черте города Оренбурга, неся массу подмытых деревьев, обломки каких-то строений, едва не достал до рельс.

Как и чем в этом случае могут расчищенные 28 километров русла? Да никак! Нет и, похоже, долго ещё не будет защиты от такого, и никакая плотина нам не поможет, потому что слишком велика площадь водосбора и слишком далеко Ирикля. Намного ближе Оренбурга к плотине находится Орск, но и здесь от неё не всегда есть помощь, потому что порой «топят» его Большой Кумак и Орь. Кстати, именно эти реки в 2005 году подтопили и часть Оренбурга. Поэтому здесь выход прост: не надо застраивать пойму!

Тогда зачем Урал чистить-то? На апрельском совещании губернатор решительно отверг подозрение многих в том, что расчистка — только предлог для узаконенной добычи драгоценной ныне песчано-гравийной смеси. Но ведь получается, что это и есть реальный результат задумки.

Ни в коей мере не могу и не хочу поверить в неискренность уважаемого губернатора, но полно ли, правдиво ли информирован он по этой теме представителями «хозяйствующих субъектов»? И, простите, не начхать ли «задумщикам» на эту нашу реку со всеми её притоками? Пройдут годы, настанет время оценивать результаты (они наверняка будут ожидаемыми), а инициаторы «борьбы с паводками» будут на заслуженном отдыхе или уйдут на повышение.

А река? После таких работ она, углубленная, спрямлённая (есть в проекте пункты об исключении из действующих русел излучин) и лишённая перекаатов, с тем же количеством воды, промчит мимо нас в глубокой канаве быстрым потоком, вытягивая остатки грунтовых вод. Кроме всего прочего, земснаряды, калеча берега и выбрасывая на них песок и гравий, пустят вниз по реке поднятую ими массу ила на многие километры, уничтожая придонную живность, основу корма ещё имеющейся рыбы, создавая идеальные условия для ещё большего зарастания русла водными растениями, ещё более заиливая сохранившиеся глубокие плёсы.

Эти 28 километров реки будут безжизненным каналом, лишённым всякой рыбьей и прочей живности, идеальным местом выплода комарья, количество которого значительно уменьшает рыба молодь. Стоит ли гробить

оговорённые шестьсот миллионов рублей на столь сомнительное мероприятие? Причём было заявлено, что этот опыт (заметьте, опыт) будет использоваться впоследствии другими регионами. А если опыт окажется неудачен? Будем снова засыпать?

Как пример, речники на Оке, озаботившиеся падением уровня воды в фарватерах реки в навигацию 2014, изучили климатические показатели и, не найдя в них причин для маловодья, обратились к учёным гидрологам за разъяснением ситуации. И причина оказалась в работе земснарядов, «капитаны» которых гордо заявляли: «Неделя, и переката нет».

Результат: на два метра упал уровень воды, судам хода нет.

В наших условиях мы знаем, что потеря уровня реки, это потеря уровня грунтовых вод, со всем вытекающим отсюда перечнем печальных событий.

В период освоения Канады, когда промысловики-охотники почти уничтожили популяцию бобров, не сразу, но заметили люди, что стали бурны и скоротечны весенние паводки, часты засухи и пыльные бури, редки летние дожди. И причина оказалась... в тех самых бобрах. Своими плотинами перегораживали они многочисленные ручьи и малые реки, не давая быстро скатиться воде, поднимали уровень грунтовых вод, создавая условия для образования местного «климата». И решительные действия

правительства помогли восстановить и популяцию бобров, и погодные условия.

Жаль, что наша территория, наши люди и их среда обитания в очередной раз стали объектом сомнительного эксперимента. Кстати, лет тридцать назад, двухкилометровый участок русла ниже железнодорожного моста у Оренбурга был расширен примерно втрое и углублен на десять-двенадцать метров. Увы, через несколько лет от этих работ остались лишь воспоминания. Река восстановила всё по-прежнему, и сейчас здесь, как и везде, мелко.

Разве это не опыт? Прибавьте сюда выбранные галечные пляжи у Дедуровки, Рычковки и других мест, понадобившиеся в своё время для обустройства газового промысла. В итоге от бывших глубин также не осталось и следа. Учёные, наверное, смогут посчитать, за сколько лет затянёт, теперь уже не песком и гравием, имевшими живую связь с водоносными горизонтами, а всё губящим илом, эти оговорённые 28 километров, оставив нам в остатке потерянные миллионы, а кому-то миллионные заработки от реализации ПГС.

Но как же без очистки и углубления убрать иловые и песчаные наносы? Да всё тем же способом, каким многие века до нас река поддерживала своё состояние, промывая русло достаточным количеством воды, особенно в паводки. Мощный поток, обусловленный многоводьем и

естественным перепадом высот, образовывал в местах со слабыми грунтами глубокие омуты и «отливал» новые пляжи и перекаты, в нужный момент спрямляя русло, оставляя в стороне излучины, создавая пойменные озёра.

Помимо воли, читаешь проект об очистке, спрямлении русел, разрушении плотин и запруд (есть и такой пункт) и создаётся впечатление, что у проектировщиков основная цель — как быстрее «прогнать» мимо нас эту «напасть» — воду, как увеличить её количество в реке Урал... на сопредельной территории. Но ведь известно, что при входе на территорию Казахстана водность эта и так примерно раза в три больше, чем у Оренбурга, при несравненно меньшем количестве населения, проживающего возле реки.

Поверьте, было и смешно и больно смотреть телерепортаж с поливного поля в Илекском районе, где строгая чиновница, прижимая к груди стопу бумаг, грозила карандашиком растерянным работникам, запрещая им на три месяца (!) пользоваться небольшим поливочным насосом, который неправильно оформлен. Конечно, нужен порядок, но не до такого же... Что, у нас мало заброшенных полей? Или в магазинах в разгар сезона наша, а не израильская редиска?

Можно приводить много фактов усиливающегося маловодья и опустынивания в Оренбуржье. Исчезли, к примеру, скворцы, ещё совсем недавно к концу лета

собиравшиеся в огромные стаи. Пчеловоды жалуются на уменьшение пчёл в пчелосемьях, да и самих семей всё меньше. Наверное, всё меньше условий для растений, на которых пчёлы берут «взятки», и могут обитать и кормиться насекомые, становящиеся в свою очередь кормом для птенцов, ради которых и прилетали скворцы. Не оно ли, маловодье, и в причинах навалившихся на регион многолетних засух. А как жить людям в деревнях и сёлах, лишившихся нормальной воды? Ведь это не единичные случаи, которые мы видим в телерепортажах и читаем в газетах. Беда принимает всероссийский масштаб. Рухнувший колхозный строй худо-бедно содержал в рабочем состоянии водоводы, напорные башни, плотины и колодцы. А сейчас земли брошенных на произвол судьбы деревень принадлежат, в основном, уже не их жителям.

И не могут они понять, бывшие кормильцы страны (да и сейчас не нахлебники, потому что хлеб у нас пока ещё свой), почему никого не заботит, чем крестьянину полить грядку, напоить скотину, а зачастую, и чем напоить своих детей. В Оренбуржье, по официальным данным, больше половины сельского населения и четверть горожан испытывают острую нехватку воды. То, что нам показывают в телерепортажах, то, что с трудом набирается в ведра в невезучих поселениях, трудно назвать водой, тем более

питьевой, но — куда деваться, другой нет. Не могут они сами решить проблему, потому что оскорбительно бедны в небедной стране.

Понятно, что нужна не областная, нужна федеральная программа, призванная дать, по известному слогану, «народу — чистую воду», и на это нужны немалые деньги. Никто не оспорит большие расходы на оборону, вокруг нас всё не так просто. Прибавьте небывалую и пока, почему-то, малоподсудную коррупцию. А тут ещё никак не кончающийся мировой экономический кризис...

А известно ли читателям, что наши южные соседи, правильно поняв на государственном уровне, что полумерами людей не напоишь, задумали поворачивать в нужную сторону воды Иртыша, строить водовод от Тобольска в свои республики.

Давайте и мы хотя бы помечтаем о том, что бы можно было сделать для действительного спасения Урала. Водовод (нет, не канал) с несколькими станциями подъёма и перекачки из поймы той же Оби в месте, желательнее, как можно ниже по её течению, и с выходом как можно выше для Урала, был бы незаметен для Оби и крайне полезен для Урала. Имея подпитку обской водой, хотя бы в пределах объёмов, умыкаемым испарением, он смог бы разом решить многие проблемы, дал возможность рационального и надёжного срабатывания

водохранилищ, восстановив былой среднегодовой уровень Урала, а с ними и грунтовых вод, и притоков, а также обеспечил бы нужный уровень и продолжительность весенних паводков для промывки и восстановления русла.

Это могло бы помочь и значительной части региона Урала в преодолении водного дефицита. Работать такой водовод мог бы только в безморозный период, что удешевило бы строительство и эксплуатацию. И не пришлось бы калечить русло и берега, нанося только вред природе, никогда доселе не ведавшей в своей многовековой истории о земснарядах и экскаваторах на реках, и были те реки и чище, и многоводнее. Дорог ли такой водовод? Наверное, недёшев. Но, если наши южные соседи в состоянии подобное строить, почему мы-то не можем распорядиться с умом своей же водой, тем более что на проект СКИОВО заложены вообще какие-то фантастические суммы.

Ещё более простое решение предлагает известный оренбургский гидролог Ю. М. Нестеренко. Поднять уровень речных перекатов укладкой стенок из бетонных блоков. За счёт этого на плёсах поднимется уровень воды (помните о графике со ступенями) и начнёт повышаться уровень первого слоя грунтовых вод. Спорна только высота таких подпорных стенок, учёный предлагает сделать их около двух метров. Считаю, более полуметра выше меженного уровня делать нельзя.

Будут годы, когда образуются критические уровни паводка, и с высокими стенками можно наделать много бед.

Вспомним не столь уж давнее становление российских городов и сёл. Исторически они строились на берегах рек. Но росло население, не стало хватать всем места на берегах. И начали строить поселения в степи, но обязательно в местах, где рядом есть низины и овраги. На них строились простейшие плотины, образующие пруды. Вешняя вода, накопленная в них, круглый год подпитывала грунтовые воды, а с ними колодцы и родники, создавала хорошие условия для жизни людей и, наверное, повышала урожай.

Пару лет назад один из каналов ТВ показал сюжет о некоем австралийском фермере, который на небольшой речке, протекающей на его территории, устроил простейшие плотины, поднимая её уровень, а с ней и уровень грунтовых вод, что немедленно сказало положительно на урожайности полей. Правительство этим очень заинтересовалось и направило на ферму учёных, чтобы выработать рекомендации, как они выразились, для всего мира. По-моему, россияне давно этот опыт имели; в дореволюционной стране не было ни одного степного поселения, не имевшего пруда.

Кстати, недавно в Оренбургском степном заповеднике была построена такая плотина, и все радуются благотворным

изменениям в округе с образованием водоёма. Кому, какой вред она принесла? Но в предлагаемом проекте заложен снос большого количества плотин и запруд, счёт идёт на тысячи. Вода, задержанная в них, в проекте называется утраченной, потерянной для бассейна. А ведь это очень малая часть, оставленная на территории из внешнего потока, проходящего через неё, оставленного на всё наше засушливое лето.

Тем более что в паводок наша река выносит в Каспий огромное количество воды. Трудно поверить, но по данным одного из сайтов, в иные годы эти объёмы превышают показатели таких великих рек, как Волга и Енисей. Но, увы, очень кратковременно, скоротечно это многоводье, обусловленное огромными прилегающими просторами бассейна реки.

По данным регионального управления водного хозяйства в нашем крае из 2 600 таких сооружений осталась едва ли четвертая часть, и те находятся в плачевном состоянии. Принцип один: нет плотин — нет проблем, потому что за ними надо следить, и проще их разрушить и забыть.

Даже только реализация предложения Ю.М. Нестеренко могла бы не только приостановить, но и повернуть вспять процесс опустынивания региона.

И ещё. Мы почему-то, уже традиционно, стесняемся отстаивать права своего народа, и, похоже, этим умело

пользуются даже ближайшие соседи. На Сакмаре нет водохранилищ типа Ириклы, тем не менее состояние реки ещё больше, чем Урал, наводит на грустные мысли. Наши башкирские соседи спокойно и уверенно отбирают нужное им количество воды. А им много её нужно, сумевшим, не в пример нам, сохранить своё хозяйство. Их нисколько не беспокоит состояние реки на оренбургской стороне. Наведение порядка в водопользовании на Сакмаре благотворно сказалось бы и на состоянии Урала.

Но будут ли реагировать «водные» федералы, которых губернатор просил обговорить этот вопрос с соседями, прислушаются ли к нему в Башкирии, время покажет.

Конечно, в первую очередь нужно озаботиться снабжением нормальной водой людей, попавших ни много ни мало, в трагическую ситуацию, о чём в проекте не говорится. Наверное, жители в таких поселениях с горьким удивлением смотрят репортажи, как наши МЧС-ники возят самолётами воду в неблагополучные места по всему миру, и не понимают, а им как жить? Им не самолётами, им хотя бы в чистой бочке и в достатке воду возили. Конечно, придётся забыть об огородах и домашней скотине, только как и чем тогда жить крестьянину на своей земле?

И ещё об одном грозящем нам бедствии стоит сказать. Вес-

на 2011 года с её несколько повышенным паводком наглядно предсказала нам возможность такого бедствия. Полые воды захватили тогда с берегов реки и стариц, становящихся в паводок действующим руслом, валежник, подмытые деревья и накопившийся бурелом, и часть этой массы наглухо закрепились на опорах автомобильного моста в начале улицы Донгузской. Невооружённым глазом виден был перепад уровня реки до и после затора. Но паводок тот был всё-таки небольшим, и затор благополучно осел и был разобран. А если паводок будет (а ведь он когда-то обязательно будет) на уровне упомянутого 1957-го, или, того хуже, 1942-го года? Кстати, в 1957-м этого моста ещё не было.

Куда пойдёт масса воды в обход забитого створа? А что он будет обязательно забит, о чём нас «предупредил» 2011 год, нет сомнений. Технических средств для ликвидации такого затора, как понимаю, нет, и только степень воображения может представить дальнейшую картину развития событий. Постарайтесь представить, как в паводок 1942-го в створе реки у Оренбурга проносилось более 12 000 кубических метров воды... в секунду!

Поэтому, планируя очистку русел рек от топляка, надо бы определиться и с состоянием пойменных лесов, сейчас находящихся в заброшенном состоянии, с массой перестоявших

деревьев, рухнувших от времени и ветров больших и малых стволов. Необходимо, как в былые времена, когда была острая необходимость в дровах, в нужный момент зачищать берега от деревьев, которые могут в паводок быть смыты в русло. Большое благо — газовое отопление обернулось захлаплением лесов, грозящим, к тому же, пожарами.

Не может быть, что бы такая масса древесины не пригодилась бы для полезного использования. Страшная катастрофа в Крымске, приведшая к гибели людей, следствие именно такого развития событий, когда потоки воды закупорили мосты и узости водостоков принесённым валежником и стволами деревьев. И если хотя бы один этот пунктик из всего моего обращения дойдёт до власти, будет её рассмотрен, я посчитаю свой «труд» не напрасным.

Нет только уверенности, что выделяемые страной огромные деньги пойдут впроводок. Что изменится к лучшему жизнь наших людей на берегах своих рек. Что в числе прочего, в каждом городе и деревне будет чистая вода, чтобы и пить, и хозяйствовать. Хорошо, если бы благие расчёты проектантов оправдались! Только невольно идёт на ум некраповское: «Жаль, только жить в эту пору прекрасную...» Дальше вы знаете. И всё-таки пусть это будет не про нас. А мы будем привычно ждать и надеяться.